

Введенский А. И. Сомнительная «помощь самообразованию» (Критическая заметка на программы, изданные комиссией по организации домашнего чтения, состоящую при учебном отделе Об-ва распространения технических знаний. [М., 1894]) // Богословский вестник 1895. Т. 2. № 4. С. 160–168 (2-я пагин.).

СОМНИТЕЛЬНАЯ „ПОМОЩЬ САМООБРАЗОВАНИЮ“.

Критическая замѣтка на „Программы“, изданныя „Коммиссіею по организаціи домашняго чтенія“, состоящую при учебномъ отдѣлѣ Общества Распространенія Техническихъ Знаній (Москва, 1894. Стр. 118. Ц. 25 к.).

Въ Москвѣ образовалась коммиссія, поставившая своею задачею „помощь самообразованію“, — „помощь лицамъ, которыя желаютъ посредствомъ домашняго чтенія пополнить пробѣлы своего образованія, *серьезно* и *основательно* ознакомиться съ тѣмъ или другимъ научнымъ отдѣломъ, но не имѣютъ возможности изучать этого отдѣла въ высшей школѣ“. Съ этою цѣлію коммиссія издала „Программы домашняго чтенія“ (1-й годъ—на 1894—5 уч. г.) и предлагаетъ свое ближайшее руководство (письменно — за плату, но весьма незначительную) ¹⁾, а такъ-же предлагаетъ для пользованія необходимыя книги (*безъ залога*, съ уплатою 5⁰/₁₀₀ стоимости за мѣсяць пользованія). Планъ программы достаточно обширный, — обнимаетъ всѣ основныя отрасли *свѣтскихъ* наукъ, а именно: 1) физико-химическія науки; 2) науки біологическія; 3) философскія; 4) юридико-экономическія; 5) исторію и 6) литературу. Крупный пробѣлъ — математика, но этотъ пробѣлъ временный.

¹⁾ „Желающіе пользоваться указаніями коммисіи уплачиваютъ: при занятіяхъ по программамъ систематическаго чтенія по 3 р. за каждый отдѣлъ въ теченіи года; при занятіяхъ по отдѣльнымъ вопросамъ—по 1 р. въ годъ за каждую отдѣльную тему“ (правило 2-е). Эта плата даетъ право: 1) обращаться въ коммиссію за разъясненіемъ недоумѣній; 2) представлять на просмотръ отчеты о прочитанныхъ книгахъ и отвѣты на поставленные коммиссіею вопросы; 3) представлять на просмотръ и оцѣнку письменныя работы.

Отмѣченнаго нами явленія нельзя не привѣтствовать: комиссія идетъ на встрѣчу дѣйствительно насущной потребности образованнаго общества, — особенно въ мѣстностяхъ удаленныхъ отъ центровъ умственной жизни; принимаетъ на себя трудъ не только безкорыстно, но (особенно на первыхъ порахъ) даже съ нѣкоторыми матеріальными жертвами; наконецъ, къ выполненію ея, какъ видимъ, весьма обширныхъ задачъ привлечены „лучшія педагогическія силы Москвы“ (впрочемъ, — необходимо оговориться, — по ея *собственному* заявленію). Дай Богъ успѣха! Но, въ виду важности принятаго комиссіей на себя дѣла, мы не можемъ не высказать теперь-же, при выходѣ перваго выпуска „Программъ“, тѣхъ соображеній, которыя онѣ въ насъ вызвали, — и это тѣмъ болѣе, что комиссія и сама сознаетъ важность дѣла, за которое взялась, и выражаетъ готовность съ благодарностію принять указанія, которыя будутъ ей сдѣланы.

Наши недоумѣнія начинаются уже съ предисловія. Въ немъ мы встрѣчаемъ одинъ очень шаткій, по нашему мнѣнію, пунктъ. Объясняя, по какимъ именно отдѣламъ комиссія принимаетъ на себя руководство, предисловіе между прочимъ говоритъ: „по отдѣлу философскихъ наукъ комиссія не сочла важнымъ обязывать читателя слѣдовать одному изъ двухъ главныхъ направленій (?) философской мысли; въ сборникѣ читатель найдетъ двѣ параллельныхъ философскихъ программы ¹⁾“, — отъ него зависитъ выбрать ту или другую“ (стр. 5). Итакъ, становящійся подѣ

¹⁾ Представляютъ ли параллельныя программы по философіи (проф. Н. Я. Грота и пр.-доцента Бѣлкина) выраженіе „двухъ главныхъ направленій философской мысли“, — это вслѣдствіе ихъ краткости и недостаточной опредѣленности выраженныхъ въ программѣ г. Бѣлкина взглядовъ сказать трудно. Но несомнѣнно, что между первою (Н. Я. Грота) и второю (пр.-доцента Бѣлкина) программами большая разница: 1) въ первой программѣ *метафизика признается наукою* (стр. 12—3), а по разъясненію второй программы, не только *метафизика*, но даже и *этика* и *теорія познанія* „представляютъ собою только выраженіе *миной* того или другаго философа“ (стр. 15); 2) первая программа составлена въ духѣ идеализма (съ замѣчательною искренностію проф. Н. Я. Гротъ предостерегаетъ здѣсь отъ увлеченія даже нѣкоторыми изъ его собственныхъ прежнихъ, теперь уже оставленныхъ, взглядовъ, — см., наприм., стр. 46: „вопросъ о законахъ осложненія чувствованій въ книгѣ автора программы: „Психологія чувствованій“ разрѣшается на узкой почвѣ теоріи ассоціаціи“ и т. д.; ср. стр. 43 конецъ), а во второй замѣтно увлеченіе эмпиризмомъ, которое особенно

руководство комиссіи самъ долженъ разобраться въ лабиринтъ философскихъ направлений,—самъ долженъ рѣшить, какая изъ двухъ, предлагаемыхъ ему, программъ лучше... Конечно, не стѣсняясь свободы читателя, не „обязывать“ (!) его слѣдовать какому-либо одному опредѣленному направленію философіи,—это очень великодушно. Но во-первыхъ, это совершенно *не педагогично*; а во-вторыхъ, это со стороны комиссіи и *непослѣдовательно*. Это *не педагогично*: ибо вѣдь нельзя-же въ самомъ дѣлѣ *начинающему* изучать философію (а для такихъ именно лицъ программы главнымъ образомъ и писаны) совѣтовать самому разобраться въ основныхъ философскихъ проблемахъ, въ конечныхъ выводахъ, къ которымъ приводитъ такая или иная ихъ постановка и рѣшеніе (а вѣдь къ этому въ сущности и сводится выборъ направленія). Это, съ другой стороны, и *непослѣдовательно*: предоставляя свободу выбора направленія въ *философіи*, слѣдовало-бы предоставить ее и относительно *другихъ наукъ*. Или, быть можетъ, говорить о *направленіи* другихъ наукъ нельзя? Но кто не знаетъ, что представители этихъ наукъ, особенно столь сродныхъ съ философіею, какъ этнографія, социологія, біологія и др.,—кто не знаетъ, что представители этихъ наукъ рѣдко, или даже почти никогда не выдерживаютъ метода критической воздержности отъ всякихъ *философскихъ идей* (что предписывается методологіею наукъ) и обыкновенно проникаются тою или другою тенденціею, разрабатываютъ свою науку въ виду того или другаго *философскаго* направленія? Повторяемъ: предоставлять свободу *въ области философіи* и „обязывать“ слѣдовать одному опредѣленному направленію при изученіи *другихъ наукъ*—это непослѣдовательно. И къ чему эта двусмысленность и неопредѣленность? Вѣдь вы знаете, гг. руководители, въ какомъ духѣ и направленіи составлены у васъ программы чтеній по другимъ наукамъ,—зачѣмъ-же, въ такомъ случаѣ, вы не избираете и

сказывается въ рекомендуемыхъ руководствахъ и пособіяхъ (всѣ эмпирическаго направленія).—По нашему мнѣнію, какъ по направленію, такъ и съ точки зрѣнія объективно-научной и педагогической, программу проф. Н. Я. Грота слѣдуетъ рекомендовать предпочтительно. Но общему духу „Программъ“ комиссіи больше соответствуетъ философская программа пр.—доцента Бѣлкина.

изъ философскихъ программъ одну, этому именно направленію отвѣчающую? Нельзя вводить расколъ и раздвоенность въ умы людей, помогать самообразованію которыхъ вы беретесь. Иначе они потеряютъ къ вамъ довѣріе.

Мы сказали, что руководители комиссіи знаютъ, въ какомъ духѣ и направленіи они рѣшили вести руководство домашнимъ чтеніемъ: конечно. Это направленіе очень недвусмысленно выступаетъ даже и въ сухихъ схемахъ программъ. Направленіе это—*позитивно-эволюціонное*. Достаточно просмотрѣть хотя-бы только рекомендуемую литературу по этнографіи и первобытной культурѣ, чтобы и безъ дальнѣйшихъ разъясненій убѣдиться, что вольно ставшему подъ руководство комиссіи невольно придется исповѣдывать догматы эволюціи: пресловутыя сочиненія Спенсера, Тэйлора, Леббока и имъ подобныя здѣсь не только рекомендуются, но даже прямо называются „превосходными сочиненіями“ (60—1). Эволюціонный принципъ кладется въ основу пониманія не только исторіи человѣчества (см. стр. 111—3, 65—8, 59 и др.), но и природы организованной, — въ основу біологіи: „сознательно усвоить сущность эволюціоннаго ученія“ вотъ, повидимому, конечная цѣль изученія біологіи, которую ставитъ программа (см. стр. 10). Само собою понятно, что не во всѣхъ программахъ можно констатировать присутствіе этой эволюціонной тенденціи: въ нѣкоторыхъ увлеченію эволюціонизмомъ нѣтъ мѣста по самому существу дѣла (въ программахъ по физикѣ и химіи), а въ другихъ, повидимому, онъ избѣгается намѣренно и систематически (въ программѣ Н. Я. Грота по философіи и въ программѣ по литературѣ). Но во всякомъ случаѣ, кажется, мы не ошибаемся, признавая духъ эволюціоннаго позитивизма въ программахъ господствующимъ. И это очень прискорбно. Зачѣмъ такая односторонность? Что она такое, — безотчетное-ли увлеченіе или сознательное убѣжденіе въ научной истинности эволюціонизма и вѣра въ его грядущее окончательное торжество? Первому (увлеченію), конечно, совсѣмъ не мѣсто въ столь важномъ дѣлѣ, какое взяла на себя комиссія; а послѣднее непонятно: противъ эволюціонизма, особенно позитивистическаго, какъ извѣстно, продолжаютъ раздаваться во всѣхъ сферахъ мысли авторитетные голоса и исповѣдь эволюціоннаго дог-

мата, какъ научно установленной доктрины, по меньшей мѣрѣ преждевременна; въ виду-же тѣхъ выводовъ, къ которымъ доктрина приводитъ, можно сказать, что она никогда не получитъ исключительной власти надъ человѣческой мыслью и не оттѣснитъ окончательно противоположныхъ ей убѣжденій и вѣрованій. И что за несчастіе такое для Россіи,—что за рокъ такой тяготѣетъ надъ тѣми изъ ея сыновъ, отъ которыхъ особенно, въ виду ихъ дарованій и образованности, она должна была-бы ожидать истинной пользы? Почему мы такъ спѣшимъ всегда стать подъ знамя позитивнаго эволюціонизма? Мы хотимъ слѣдовать „передовому Западу“ и въ данномъ случаѣ коммиссія не разъ заявляетъ, что въ своемъ предпріятіи она вдохновляется примѣромъ аналогичныхъ учреждений Запада. Хорошо. Но слѣдовать, такъ ужъ слѣдовать до конца,—нужно слѣдовать Западу и въ широтѣ его воззрѣній, и въ истинномъ уваженіи къ свободѣ мысли. Тамъ нѣтъ такой односторонности, такого слѣпаго увлеченія. Тамъ твердо помнятъ правило: *audiatur et altera pars*. Посмотрите хотя-бы на Парижскій *Collège de France*: тамъ сходятся самые противоположные элементы. Тамъ читалъ покойный Ренанъ, читаютъ Лаффитъ (ученикъ и продолжатель Конта) и Рибо; но тамъ-же рядомъ съ ними читаютъ Нуррисонъ и Шарль Левекъ, едва-ли не католики — читаютъ въ духѣ строгаго спиритуализма, а Нуррисонъ даже съ католическомъ оттѣнкомъ. И это въ *свободолюбивой* Франціи! А у насъ,—можно-ли у насъ предположить, чтобы на примѣръ организаторы домашняго чтенія дали въ ряду своихъ программъ мѣсто представителямъ такого направленія мысли, которое могло-бы служить противовѣсомъ Спенсерамъ и Тэйлорамъ? Едва-ли. А между тѣмъ это было-бы доказательствомъ и истинной любви ихъ къ дѣлу просвѣщенія, и свободы отъ всякой тенденціозности, и благородной широты взглядовъ, и дѣйствительнаго уваженія къ свободѣ...

Вдумываясь въ причины только что отмѣченной тенденціозности, мы приходимъ къ убѣжденію, что отчасти (если не всецѣло) она обусловлена тѣмъ крупнымъ пропускомъ въ составѣ программъ, который неволью обращаетъ на себя вниманіе уже при бѣгломъ знакомствѣ съ ними. „Программы“ признаютъ только двѣ группы наукъ: науки *о при-*

родъ и науки *о человекѣ*. Читатель недоумѣваетъ и спрашиваетъ: исчерпывается-ли, по мнѣнію составителей программъ, этими группами наукъ вся область научнаго знанія и, если да, то какъ же слѣдуетъ смотрѣть на богословіе? По этому вопросу, однако, онъ не найдетъ въ книжкѣ никакихъ разъясненій. Мы не знаемъ, почему составители программъ оставили безъ вниманія цѣлую и при томъ важнѣйшую область знанія, съ которою связаны глубочайшіе человѣческіе интересы; но полагаемъ, что „Программы“ во всѣхъ отношеніяхъ выиграли бы, еслибы указаннаго пробѣла въ нихъ не было. Ввести въ составъ „Программъ“, по крайней мѣрѣ, существенныя изъ богословскихъ наукъ необходимо было по многимъ основаніямъ. Во-первыхъ, этого требовало существо дѣла (т. е. мотивы чисто объективно-научныя), такъ какъ богословіе тѣсно связано со всѣмъ составомъ человѣческаго знанія и безъ выработки опредѣленныхъ, хотя бы и общихъ, сужденій о богословскихъ вопросахъ образованіе не будетъ полнымъ и законченнымъ. Во-вторыхъ, именно въ этомъ отношеніи наше среднее и высшее свѣтское образованіе оставляетъ желать особенно многого. Въ-третьихъ, какъ извѣстно, интересы къ религіознымъ вопросамъ пробуждены въ наше время съ особою силою и солидныя, авторитетныя указанія для самостоятельныхъ занятій въ этой области отвѣчали бы одной изъ насущнѣйшихъ современныхъ потребностей. Наконецъ, — и это особенно важно, — введеніе въ составъ „Программъ“ наукъ богословскихъ (хотя бы только нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ), если и не уберегло-бы нѣкоторыхъ составителей программъ отъ тенденціозности, то по крайней мѣрѣ послужило бы ей хорошимъ противовѣсомъ. Повторяемъ, жаль, что „Программы“ страдаютъ столь существеннымъ пробѣломъ, а если этотъ пробѣлъ проистекаетъ изъ *нежеланія* (по тѣмъ или другимъ мотивамъ) вводить богословіе въ составъ рекомендуемыхъ наукъ, то это вдвойнѣ жаль.

Взглянемъ теперь на программы съ другой стороны, — со стороны ихъ цѣлесообразности и степени соответствія своему назначенію служить „помощью при *самообразованіи*“. Педагогическая техника, какъ извѣстно, выработала два типа программъ, которыя носятъ особыя техническія названія: *конспектъ* и *объяснительная записка*. Конспектъ

это—простой перечень вопросовъ, входящихъ въ составъ курса, почти тоже, что оглавленіе въ книгѣ. Объяснительная записка ставитъ иныя цѣли: указываетъ направленіе и общій характеръ изученія той или другой отрасли знанія; выдвигаетъ основные и существенные пункты, на которыхъ должно быть сосредоточено преимущественное вниманіе; предупреждаетъ возможныя отклоненія и увлеченія; указываетъ и характеризуетъ пособия; намѣчаетъ иныя точки зрѣнія на предметъ, сравнительно съ принятою, и даетъ имъ сравнительную оцѣнку. Разсматриваемыя нами „Программы“ главнымъ образомъ заполнены конспектами и отводятъ лишь сравнительно незначительное мѣсто разьясненіямъ, которыя подходятъ подъ типъ объяснительныхъ записокъ и это, по нашему мнѣнію, ихъ крупный техническій недостатокъ. Конспекты, особенно когда рекомендуется опредѣленный учебникъ, почти или даже совсѣмъ излишни, — тѣмъ болѣе для людей уже сравнительно развитыхъ, для которыхъ и предназначаются Программы. Напротивъ, точное опредѣленіе руководящей точки зрѣнія на предметъ, сопоставленіе съ другими возможными точками, возможно рельефная характеристика (хотя-бы краткая) рекомендуемыхъ пособій, предостереженіе отъ возможныхъ увлеченій, — все это въ высокой степени желательно и было-бы безъ сомнѣнія полезно. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи программы далеко не однородны: иногда составители ихъ ставятъ себѣ главнымъ образомъ именно только-что указанныя цѣли руководства въ собственномъ смыслѣ (это особенно должно сказать о программѣ по психологіи, составленной Н. Я. Гротомъ); но иногда до того сбиваются на путь механическаго конспектированія, что приходится опасаться какъ-бы не было затронуто самолюбіе руководимыхъ: подробный перечень параграфовъ рекомендуемаго пособия, простановка страницъ какъ этого, такъ и другихъ параллельныхъ пособій, въ такомъ объемѣ и формѣ, какъ это сдѣлано, наприм. пр. - доцентомъ Бѣлкинымъ, предполагаетъ очень низкій уровень развитія ученика или его крайнюю беспомощность. Всякій-же человекъ, средняго возраста и развитія, безъ сомнѣнія предпочелъ-бы, въ замѣнъ этихъ перечней заголовковъ параграфовъ и ненужныхъ цифръ, встрѣтить болѣе нужныя и существенныя разьясненія и указанія, направляю-

щіяся къ выполненію вышеуказанныхъ нами задачъ въ духѣ и смыслѣ объяснительной записки.

Небезупречны „Программы“ и въ литературномъ отношеніи. Встрѣчаются иногда термины (особенно переводные) и выраженія вычурныя и даже неясныя, каковы, напр.: „экономическое (!) мышленіе“ (63), „о противоподразумѣваемости (?) предложеній“ (55), изложеніе началъ классической (?) экономіи“ (64) и др. Справедливость требуетъ сказать, что ихъ немного; но въ виду того что изъ „Программъ“, при ихъ авторитетности, они легко могутъ перейти и въ массу, желательно, чтобы ихъ совсѣмъ не было ¹⁾.

Желательно иногда, чтобы въ Программахъ совѣты были менѣе догматичны т. е. чтобы они сопровождались болѣе опредѣленной и убѣдительною мотивировкой, которой часто недостаетъ и тамъ, гдѣ она рѣшительно необходима. Такъ, наприм., на стр. 68 мы читаемъ: „для ознакомленія съ послѣднимъ отдѣломъ исторіи первобытной культуры—съ исторіею религіи, глава XIV Тейлора можетъ служить только необязательнымъ (?) введеніемъ; самый отдѣлъ долженъ быть пройденъ по Липперту“... Можно подумать, въ виду этой замѣтки, что Тэйлоръ и Липпертъ по вопросу о происхожденіи религіи между собою глубоко различаются. А между тѣмъ ихъ теоріи, если и не совсѣмъ совпадаютъ, то различаются между собою весьма мало,—только какъ разновидности: одинъ анимистъ (выводитъ религію изъ произвольнаго одушевленія первобытнымъ человѣкомъ природы), а другой — эвгемеристъ (выводитъ ее изъ культа предковъ). Обѣ эти теоріи невѣрны и справедливо отвергаются критикой; но эвгемеризмъ, вопреки мнѣнію соста-

¹⁾ Отмѣтимъ здѣсь, кстати, маленькую подробность терминологическаго характера. Г. Бѣлкинъ передаетъ извѣстный техническій терминъ Бэкона *idola* словомъ: „призраки“ (стр. 102). По нашему мнѣнію, такая передача неудачна. Неудобство такого перевода тотъ-часъ обнаружится, если мы станемъ употреблять терминъ въ связи съ тѣми ближайшими опредѣленіями съ какими овъ и стоитъ обыкновенно у Бэкона: „призраки рода“, „призраки щещеры“, „призраки площади“, „призраки театра“. Едвали это благозвучно и при томъ начинающій изучать философію можетъ быть пожалуй введенъ въ заблужденіе и подумать, что здѣсь рѣчь идетъ о чемъ-нибудь другомъ, а не о знаменитыхъ идолахъ Бэкона. Въ виду этого намъ кажется, что не слѣдовало-бы переводить этихъ техническихъ терминовъ вовсе, какъ это и сдѣлано наприм. Н. Н. Страхонымъ въ его переводѣ извѣстной монографіи Кунофишера о Бэконѣ („Реальная философія и ея вѣкъ“).

вителя программъ, признается даже болѣе одностороннею теорію, чѣмъ анимизмъ. При томъ, почему программа указываетъ только XIV-ю главу Тэйлора? Объ анимизмъ въ его отношеніи къ религіи говорятъ главы и предыдущія и слѣдующія.—Все это, по меньшей мѣрѣ, неясно.

Въ заключеніе замѣтки позволимъ себѣ высказать общее сужденіе о Программахъ. По нашему мнѣнію даже и въ настоящемъ видѣ, при отмѣченныхъ нами выше недостаткахъ, онѣ всетаки могутъ принести свою долю пользы: нѣкоторыя программы, будучи свободны отъ одностороннихъ тенденцій, въ тоже время удовлетворяютъ основнымъ научно-педагогическимъ требованіямъ и даже въ тенденціозно и неволиѣ удовлетворительно, въ научно-педагогическомъ отношеніи, составленныхъ программахъ нѣкоторыя частныя указанія и разъясненія могутъ быть полезны,—конечно, не специалистамъ. Приложенныя въ концѣ книжки томы для самостоятельныхъ работъ, равно какъ и спеціальныя программы чтеній по отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ могутъ съ интересомъ и пользой наполнить свободное время и занять мысль. Однако эту пользу программы принесутъ лишь тому, кто сумѣетъ отнестись къ нимъ критически; для лицъ-же, которыя наклонны *jugare verba magistri*, которыя принимаютъ за непреложную истину все, что говорятъ „компетентные люди“,—для такихъ „Программы“ едвали не принесутъ больше вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ могутъ сообщить всей ихъ умственной дѣятельности *ложное направление*. Чтобы не брать на себя отвѣтственности за односторонность направленія мысли тѣхъ неопытныхъ и довѣрчивыхъ людей, которые обратятся къ Коммиссіи за помощью, она должна освободить свои „Программы“ отъ той позитивно-эволюціонной тенденціи, которою нѣкоторые курсы проникнуты въ ней теперь, или-же по крайней мѣрѣ, отмѣтить эту тенденцію и дать ей противовѣсъ, какъ это сдѣлано относительно философіи. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы дальнѣйшіе выпуски Программъ составлялись съ болѣшимъ вниманіемъ къ направленію, съ болѣшею осмотрительностію и,—главное,—въ одномъ, свободномъ отъ одностороннихъ тенденцій, духѣ. Иначе „помощь самообразованію“, на которую онѣ рассчитаны, будетъ больше, чѣмъ сомнительна.

А. Введенскій.